

Генерал Хунмэнь, как старший, конечно, не мог думать только о себе. Он великодушно велел солдату вручить Чай Цзыжаню целую жареную курицу. Тот был тронут до слёз — впервые он почувствовал, что иметь дядю-генерала, усердно оттачивавшего Ладонь железного песка, тоже бывает полезно.

Генералу Хунмэню претил этот жалкий вид.

— Не торчи тут столбом, глаза мозолишь, — буркнул он, нахмурясь.

Чай Цзыжань, ухмыляясь, отступил на шаг и впился зубами в куриное бедро:

— Дядя Хунмэнь, вы за Цзинь Синем приехали? — Получив в дар куриную ножку, Чай Цзыжань сменил почтительное «генерал» на фамильярное «дядя». Генерал Хунмэнь лишь раздражённо хмыкнул в ответ: «Хм!»

Чай Цзыжань сделал вид, что не расслышал, и хотел присесть рядом с генералом, чтобы потереться около старшего. Но с одной стороны восседал Мо Цзюцзюнь, с другой — лежала куча сорняков. Чай Цзыжань на мгновение задумался, собираясь уже снизойти до сорняков, как вдруг Мо Цзюцзюнь безмолвно поднялся. Обрадованный Чай Цзыжань тут же занял его место и спросил:

— Дядя, можно рядом присесть?

Генерал Хунмэнь фыркнул:

— Уж сел, а я что, гнать тебя стану? — В душе он сокрушался: любимый сын его названного брата оказался таким никчёмным, младший же и вовсе пошёл в чиновники. Не кому теперь передать боевые искусства брата.

Чай Цзыжань, не смущаясь, ответил:

— Благодарю, дядя Хунмэнь.

Генерал Хунмэнь слегка отодвинул свою не слишком благородную задницу в сторону от Чай Цзыжаня. Он, конечно, был человеком простым, но это не означало, что он готов терпеть подобное соседство — не ровён час, ещё достоинство замазает.

Чай Цзыжань сделал вид, что не заметил этого движения, и продолжил:

— Брат Цзинь Синь, когда проходил «Переправу Восьми Бессмертных», тоже вляпался в стычку с разбойниками.

Генерал Хунмэнь, хоть и был отцом, лишь слегка нахмурил брови, которые тут же разгладились.

— Сам дурак, полез, куда не следовало! — буркнул он сурово. Увидев же, как Чай Цзыжань смотрит на него с обожанием, внутренне расплылся, но вслух спросил:

— Жив ещё?

— Как можно иначе! У грозного тигра не рождается щенков трусливых. Разве может быть плох сын, которого вы сами вырастили?

Хоть Чай Цзыжань и хвалил, генералу Хунмэню почудилось в его словах что-то неладное.

— Говори человеческим языком, — прикрикнул он.

— Ха-ха-ха, — Чай Цзыжань решил не ходить вокруг да около. С вояками нужно говорить прямо — крючкотворство им не по нраву, да и самому запутаться недолго.

Он с аппетитом откусил куриную голову, покрутил глазами и продолжил:

— Брату Цзинь Синю невероятно повезло! Несколько дней назад, следуя через «Переправу Восьми Бессмертных», он угодил в засаду к сотне с лишним разбойников. Но парень, выросший под вашей Ладонью железного песка, не из тех, кто сдаётся легко. Получив удар ножом, он вытащил лезвие из собственного тела и всадил его в лошадиный круп. Та с ржанием помчалась с горы напрямиком в уезд Суюй.

— Лошадь врезалась в реку Суюй, но он не утонул, а лишь потерял сознание. А на берегу как раз стирала бельё хрупкая красавица. Увидев его, сжалилась. Продала всё, что было, чтобы оплатить лечение, и вытащила его прямо из когтей самого Яньло-вана. — Чай Цзыжань, произнося «самого Яньло-вана», бросил взгляд на «Живого Яму» и, не заметив реакции, продолжил:

— Но когда Цзинь Синь очнулся, рядом оказалась ещё одна добрая и прекрасная девушка, утверждавшая, что это она его спасла.

Генерал Хунмэнь нахмурился:

— Один раз потерял сознание — и сразу две спасительницы? Неужели его обвели вокруг пальца?

Чай Цзыжань рассмеялся:

— Старого воробья на мякине не проведёшь! — Он глянул на Мо Цзюцзюня, тот усмехнулся, и Чай Цзыжань внутренне потирал руки: вот сейчас этот зазнайка Цзинь Синь попадёт!

Генерал Хунмэнь, сдвинув брови, проворчал:

— Цзинь Синь не настолько глуп! — Он-то своего сына знал.

Чай Цзыжань кивнул:

— Конечно, нет. Но чтобы доказать, насколько он неглуп, нужно кое-что предпринять.

— О? — Генерал Хунмэнь оживился. С тех пор, как пала династия, приходилось лишь изредка рубить головы тем, кто лелеял надежды на реставрацию. В последние годы приверженцы павшей династии стали настолько тихи, что даже мелкой рыбы не подворачивалось. Генералу Хунмэню смертельно наскучила такая жизнь, и при намёке на дело он невольно возбудился.

Чай Цзыжань, видя, что рыба клюнула, внутренне ликовав. Потирая руки, он изложил:

— Всё просто, дядя Хунмэнь. Вам нужно лишь как следует отчитать Цзинь Синя при всех, а потом предъявить ему подложное письмо о разрыве родственных уз. Цзинь Синь пока не имеет ни чинов, ни заслуг. Лишившись вашей защиты, он останется ни с чем. Если девушка, что с ним, окажется расчётливой и поймёт, что её суженый — гол как сокол, она тут же с ним порвёт.

По законам нашей династии, если отец разрывает отношения с сыном, тот лишается прав на

титул и имущество отца. Равно и отец более не обязан сына содержать. После такого разрыва отец и сын чаще всего становятся чужими людьми. Идут на это лишь в крайних случаях, когда ненависть глубока, а чувства остыли окончательно.

Закон этот, конечно, противоречит нашим устоям сыновней почтительности и отцовской заботы, но поскольку он был установлен самим императором более десяти лет назад, никто не смеет его оспаривать.

Генерал Хунмэнь на мгновение задумался. Увидев блеск в глазах Чай Цзыжана, он не смог отказать — всё-таки это первая просьба, с которой племянник обратился к нему как к старшему. Да и признаться себе генерал должен был: ему попросту смертельно скучно.

Чуть позже, когда ночь уже полностью вступила в свои права, а в траве мерцали одинокие светлячки, Чай Цзыжань пригнулся ещё ниже, прикрывшись примятыми сорняками, и уставился на мужчину и женщину. Оба были в простой холщовой одежде. Девушка — ясноглазая, с зубами-жемчугами, улыбалась, словно фея, сошедшая с лунного диска, прекрасная до оторопи. Мужчина же — с плутоватыми глазами и крысиными бровями, улыбался во всю ширь, излучая радость. В глазах и в сердце Чай Цзыжана уже сложилось твёрдое убеждение: мужчина этот — негодяй, и улыбка его, есть ли она или нет, — лишь прикрытие для тёмных замыслов.

К счастью, хоть лицом мужчина и вышел негодяем, поведение его не было слишком уж вызывающим — его ещё можно было с натяжкой причислить к людям. А улыбку... улыбку лучше было просто игнорировать.

Ручей журчал, словно природная мелодия, лёгкий аромат полевых цветов щекотал ноздри. Чай Цзыжаню вдруг захотелось чихнуть. В панике он зажал нос, пригнул голову и подавил чих.

На берегу оба обернулись. Чай Яньжань с любопытством посмотрела на беспорядочную грудку камней и нахмурилась:

— Мне послышалось, будто кто-то там...

Жун Лин потер нос — возможно, и его достали цветочные запахи, — и чихнул негромко. Увидев, как прекрасные очи Чай Яньжань устремились на него, смущённо отвёл взгляд, почесал затылок и рассмеялся:

— Просто нос зачесался, хе-хе.

В глазах Чай Яньжань Жун Лин был человеком, который из-за своей внешности стыдился и унижался, который высокомерием защищал своё достоинство, а также тем, кто надеялся обрести покой в одиночестве — и вот даже чихал он как-то по-домашнему, простодушно. Она расплылась в широкой улыбке:

— Сегодня вы, господин Жун Лин, потеряли часть своей книжной изысканности, но приобрели долю земной простоты. Выглядите иначе, чем обычно.

Жун Лин опешил и невольно взглянул ей в глаза. Холодный лунный свет падал на воду ручья, рассыпаясь мерцающими бликами; падал на фигуру Чай Яньжань, окутывая её ореолом тихой, горной красоты, словно она была прекрасным духом этих лесов.

Он застыл на мгновение, затем проговорил:

— Госпожа Яньжань, вы шутите. Я всего лишь занудный книжник. — Если в его словах и была сегодня какая-то разница, то главное отличие заключалось в том, что он знал: за грудой камней прячется Чай Цзыжань. И он не хотел, чтобы Чай Яньжань узнала об этом, а уж тем более не желал, чтобы Чай Цзыжань вылез из укрытия и нарушил их уединение.

Чай Яньжань сказала:

— Вы в маске и вы сейчас — очень разные. Сейчас я чувствую, что передо мной — настоящий вы. — Она грациозно поднялась с берега, подобрала одежду, служившую ей сиденьем, слегка отряхнула и протянула Жун Лину, улыбаясь глазами. — Господин Жун Лин, я верю, что однажды ваш талант оценят по достоинству. Вы ведь очень похожи на моего младшего брата. — Она вдруг что-то вспомнила и добавила:

— Маркиз Чанпин как-то сказал о нём: «В нём дремлет дракон, что, возопив, потрясёт небеса; и орёл, что, взмыв, низринет на землю». Вы, должно быть, такой же.

<http://bllate.org/book/15931/1424025>